

1990-е:
ВОСПОМИНАНИЯ
НЕ ПОГАСЛИ

Ольга Руслановна Квирквелия

1990-е: воспоминанья

не погасли

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73589888

ISBN 9785006960831

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Сборник воспоминаний о 1990-х годах разных людей, как писателей, так и нет, с разными судьбами. Задача сборника – показать, как отличалась ситуация для разных регионов и разных слоев общества.

Содержание

Ольга Квирквелия	5
Предисловие составителя	5
Галина Алексенко	7
90-е....лихие или золотые?	7
Юлия Вахрамеева	27
Предупреждение по-бандитски. 1992	27
Добыть пачку масла. 1992	29
Надежда Джакупова	31
Мои золотые годы	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

1990-е: воспоминанья не погасли

Составитель Ольга Руслановна Квирквелия

© Ольга Руслановна Квирквелия, составитель, 2026

ISBN 978-5-0069-6083-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Данная книга является художественным произведением, не призывает к употреблению наркотиков, алкоголя и сигарет и не пропагандирует их. Книга содержит изобразительные описания противоправных действий, но такие описания являются художественным, образным и творческим замыслом, не являются призывом к совершению запрещенных действий. Автор осуждает употребление наркотиков, алкоголя и сигарет. Пожалуйста, обратитесь к врачу для получения помощи и борьбы с зависимостью.

Ольга Квирквелия

Предисловие составителя

Идея этого сборника родилась от пересечения сразу нескольких событий – незначительных на первый взгляд, но все вместе они вдруг оказались неожиданно важными.

Сначала я, в поисках какой-то информации о 1990-х годах, случайно наткнулась на высказывание жены Б. Ельцина, что время его правления можно назвать «святыми 90-ми» (до этого мне попадались «проклятые 90-е» и «лихие 90-е») и что нужно поставить памятник ее мужу. В голове пронеслись картинки этого незабываемого периода под аккомпанемент нецензурных выражений, обычно мне не свойственных. А вот идея поставить памятник мне понравилась. Я даже представила, что бы я перед ним делала.

Потом в ненавязчивой беседе с Евгенией Корешковой (ее рассказ есть в этом сборнике) как-то она сказала, что 90-е были самыми сытыми годами в ее жизни (цитирую по памяти, но смысл был такой). Я нервно икнула, вспомнив о серых скользких макаронах с жареным луком – самое частое блюдо на нашем столе... Если бы я не знала точно, что она жила в России, заподозрила бы, что мы провели эти годы в разных странах.

И тогда мне стало интересно: неужели только для меня этот период был самым жутким в жизни? Стала заводить разговор с подругами и друзьями... Нет, не только для меня. Но и не для всех...

В конце концов мы знаем о 90-х из воспоминаний всяких известных в той или иной мере личностей – политиков, журналистов, писателей. А что помнят о них обычные люди? Кинула клич среди авторов Ридеро и среди своих друзей. Откликнулись девять человек, я – десятая. И поняла, как плохо я знаю свою страну... Так появился этот сборник.

Я сознательно не редактировала тексты, только вычистила опечатки, – пусть звучат живые голоса. И не стала придумывать какую-то структуру – не хотелось ничего моего, личного. Расположила рассказы в алфавитном порядке фамилий авторов.

Ольга Квирквелия

Галина Алексенко

90-е....лихие или золотые?

Про «ужасы» 90-х написано немало. О том, что социально-экономические потрясения тех лет перевернули с ног на голову судьбы миллионов советских граждан, прежде существовавших в замкнутом мире сложившихся устоев: скромного быта, незамысловатого досуга, неременной идеологической подоплёки всех публичных событий и высказываний, подпитывающей двойную мораль и двойные стандарты – знают, наверное, все. Но описание реалий того времени очевидцем, в малой степени затронутым перипетиями слома общественной формации и перехода во что-то иное, совсем непохожее на привычное бытование, думаю, тоже будет интересным...

В начале 80-х после обязательной после окончания института и трехлетней отработки по месту распределения, я устроилась младшим научным сотрудником в один из многочисленных НИИ, занимавшихся разработкой АСУ в непромышленной сфере. Занималась я переводами технической литературы, соответствующей профилю института, с английского на русский. Постоянного рабочего места в кабинетах, переполненных молодыми и не очень специалистами,

мне не нашлось, и, время от времени, со все своим скарбом я перемещалась за соседний стол или в другую комнату. Начальник отдела, весьма общительный и, как оказалось, в такой же степени предприимчивый, быстро смекнув по моему, как тогда выражались, фирменному прикиду, что я имею доступ к дефицитным товарам, предложил решить этот вопрос с помощью блока сигарет «Мальборо». Мама и бабушка моего жениха (а в последствии и законного мужа), трудились во Внешторге и имели обширные связи, поэтому достать какой-либо дефицит проблем не составляло. Но мой жених предложил вариант получше – мы дарим/достаем начальнику все, что он пожелает, но, поскольку моя работа требует сосредоточения и тишины, я должна трудиться на дому... Ударили, как водится, по рукам. С того времени, я появлялась на рабочем месте исключительно в дни аванса и получки, привозя с собой кипу страниц перевода и отбирая для работы очередной материал. Само собой, начальник получал заказанное, ну а мы радовались массе свободного времени!

Правда, все общественные мероприятия, вроде ленинского субботника или переборки гнилой продукции на овощной базе, мне посещать приходилось, но разве это можно было сравнить с тем, что в любое время мы могли поехать отдохнуть или двинуть на дачу с видеомагнитофоном и кучей кассет! Летом меня обязали месяц трудиться в подшефном пионерском лагере под Наро-Фоминском. Приехала я туда в назначенное время за рулем собственной машины с собач-

кой в корзинке – муж в те дни в рамках программы «откоса от армии» лежал на обследовании у своего врача в больнице и оставить ее было не с кем... Естественно, дирекция пионерлагеря, узрев бежевые Жигули, из которых выпорхнула мадам в розовых джинсах с болонкой на руках, распорядилась «по справедливости» – меня определили на самую грязную работу – мыть спальни и отхожие места пионеров. Физического труда я никогда не боялась, поэтому всю смену трудилась ответственно. Запах хлорки меня преследовал еще долгое время....

Так прошло года полтора – два. Синекуры я лишилась в одночасье и довольно прозаично. Где-то в середине 1983 года мне позвонили с просьбой срочно приехать на работу. Выяснилось, что в институте проводился «андроповский» рейд по борьбе с нарушениями трудовой дисциплины и, как оказалось, некоторые сотрудники моего отдела не смогли описать, как я выгляжу, и товарищи из органов решили, что я – «мертвая душа» чью зарплату получает начальник! Благо, машинописью я не владела, все переведенные тексты писала от руки и, сверив почерк, товарищи убедились, что я все же работала. Посоветовали, от греха подальше, написать заявление об уходе по собственному желанию и больше в такие переделки не попадать. Муж, к тому времени, успешно закончил МАРХИ и убедил меня, что как архитектор он будет получать достаточно, чтобы прокормить нас обоих. Работу мне искать не стоит, проживем и так...

Жили мы в самом центре Москвы в коммунальной квартире огромного дореволюционного дома, построенного известным архитектором Шервудом по заказу Московского купеческого общества. С начала 80-х дом поставили на капремонт с отселением, подъезды постепенно расселяли и мы, дабы не упустить важную информацию и держать руку на пульсе, невзирая на бытовые неудобства, продолжали оставаться на месте. Коммуналка была огромная – 7 комнат, кухня с прикухонной шестиметровой комнаткой, кладовка, два холла, черный ход во двор. Моя 25-метровая комната с потолками высотой 4м 20см, великолепной лепниной на потолке и стенах, дубовым паркетом и мраморными подоконниками нас вполне устраивала. То, что в туалете капало с потолка, в ванной комнате не функционировала раковина, а в кухне комфортно чувствовали себя только тараканы, быстро стало привычным. Полноценно мыться мы ездили к родителям мужа, а душ принимали, положив на дно ванной деревянную решетку и скоренько обливая себя из душевой лейки. Компенсацией этому было местоположение в самом центре Москвы. Добраться в любой конец города можно было за примерно одинаковое время. Только, когда в самом конце 1985 года у нас родился сын, мы на несколько лет переместились в съемную квартиру в Ясенево.

Вернувшись в коммуналку, мы уже в полной мере почувствовали дух развала всего и вся... Капремонт нашего строения так и не начался, жителей расселяли очень медлен-

но, коммуникации ветшали и текли со страшной силой. Под потолком санузла натянули полиэтиленовую пленку и раз в сутки сливали накопившуюся на ней воду, дабы водопад не обрушился на пользователя унитаза. . . Ванная стала еще грязнее, а от тараканов не спасала никакая обработка. Надежды на то, что мы получим отдельную квартиру, пусть и на окраине, не осталось. И впервые мы задумались о том, что надо копить деньги и покупать кооператив. Собственно, этот период и знаменует для меня начало 90-х.

К тому времени появились первые кооперативы и совместные предприятия и некоторые из наших друзей стали поглядывать в эту сторону. Удивительно, как быстро под воздействием обстоятельств менялись люди. Институтский друг мужа, ставший секретарем комсомольской организации какой-то крупной организации, прилюдно осуждал нашу общую подругу, вышедшую замуж за финна, пусть не по любви, а только ради отъезда из страны, сам женился на американке – сотруднице компании NBC. Уйдя с должности, он виртуозно переметнулся из общества ярых патриотов своей страны в стан прозападно настроенной молодежи. Занимался тем, что барыжил привезенной из Штатов видеотехникой и подторговывал украденными из офиса компании видеокассетами. На деньги супруги он купил и отремонтировал дом в дачном местечке Подмосковья, который, естественно, ему и достался после их развода, сменил после этого круг общения, организовал кооператив и стал зарабатывать день-

ги любимыми честными и не очень способами.

Муж же мой, увидев, что стать знаменитым архитектором ему не светит, начал заниматься продажей антиквариата. К искусству он приобщался с малых лет, неплохо рисовал, в старшем возрасте брал уроки у профессиональных реставраторов, знакомясь с тонкостями атрибуции произведений искусства. Отец его работал в ЦДХ в дирекции выставок, и часто они вдвоем подолгу изучали экспозиции, «нарабатывая глаз». Отец сам любил антиквариат и сыну передал некоторые тонкости профессии антиквара. Деньги, пусть и небольшие, у нас водились. Несколько раз в году мы всей семьей ездили отдыхать в дома отдыха, купили новую машину, стали и сами приобретать кое-что из раритетов. Утром я отводила сына в детский садик и совершала пробег по ближайшим антикварным и книжным лавкам, а заодно и по полупустым продуктовым магазинам. Муж же оббегал несколько «живодерок», куда быстро нищающие москвичи, дабы немного подправить семейный бюджет, сносили ненужные, иногда очень даже ценные вещи. Вечером мы рассматривали находки и определяли, что оставим себе, а что пустим в продажу.

В то время стали появляться и первые кооперативные магазинчики, либо коммерческие отделы в обычных советских. В цокольном этаже нашего огромного дома на Солянке вперемежку с учреждениями располагалось несколько магазинов. В известном и любимом москвичами магазине тканей

«Балтика» рядом с массивными деревянными шкафами для экспозиции тканей поставили стеллажи, на которых ярусами громоздилась мелкая бытовая техника и товары для дома. В угловом молочном одну стену сплошь завесили одеждой, а в закутке открыли обменный пункт валюты. Антураж менялся, менялись и мы сами.

В один из дней к нам в квартиру пришла пара – мужчина и женщина представились: он – руководитель театра на Солянке, а она – ведущая актриса, проживающая также в нашем доме. Оказалось, что в одном из многочисленных помещений дома располагается театр и даже имеется вывеска, но мы, жители, никогда не обращали на нее внимания. Эти двое выступили с инициативой объединить всех жителей дома в некую организацию, которая самостоятельно без помощи властей будет решать квартирный вопрос проживающих. «Мы бесплатно возьмем в аренду у города весь цокольный этаж дома, сдадим помещения в субаренду, и на полученные средства купим квартиры желающим уехать из дома, а для оставшихся сделаем капремонт с перепланировкой на отдельные квартиры», – вещали они хорошо поставленными голосами... Мысль была свежей, вкусной и заманчивой! Надежда обрести отдельное жилье вновь забрезжила на горизонте и все соседи, особо не раздумывая, подписали «протокол о намерении». Через некоторое недолгое время в помещении театра прошло собрание жителей, на котором было заявлено об открытии акционерного общества за-

крытого типа «Жилтоварищество – Наш дом». Акционерами стали все жители дома, руководителем назначили актрису, а руководителя театра единогласно выдвинули кандидатом в депутаты Мосгордумы.

Еще пару месяцев ежевечерне мы парами ходили по коммуналкам нашего избирательного округа уговаривать жителей проголосовать на выборах за нашего уважаемого представителя. Помню, что время было зимнее. Входя в квартиру, – а пускали почти везде – расцвет бандитизма еще не наступил, пока представлялись и рассказывали с чем мы и зачем мы, верхнюю одежду расстегивали. Выходя на площадку – застегивали... и так десятки раз кряду! Кандидат наш в думу не прошел, но организовал новую организацию с громким названием – Фонд содействия ликвидации коммунальных квартир. Президентом этого фонда он и стал.

Энтузиазмом преобразования старых индивидуалистических отношений в солидаризм-коллективизм заразился не один десяток жителей. Сформировалась активная группа ходячих по кабинетам, фронтвумен которой были почти девяностолетняя Раиса Захаровна и 75-летняя Галина Матвеевна (имена называю, потому что они давно уже покинули этот мир и претензий мне не предъявят, ежели что). Раиса Захаровна в нужный момент всегда могла изобразить сердечный приступ и чиновник, желая быстренько выпроводить просителей из кабинета, ставил столь нужную нам подпись. Галина Матвеевна за долгую и бурную жизнь не раз побывав-

шая замужем, будучи и сама излишне эмоциональной, от одного из них, испанца, переняла экспрессивную манеру общения. Видя, что вопрос никак не решается, она громогласно заявляла, что, если ей не дадут возможность избавиться от своего соседа-алкоголика, потому как он своим заунывным пением после принятия очередной дозы сводит ее с ума, дело закончится кровавой бойней. А после этого ей уже ничего будет бояться – она всех своих обидчиков порешит! И грозно сверкала взглядом в сторону чиновника. Дошли почти до самого Лужкова и в результате получили разрешение на аренду ряда помещений цокольного этажа на 49 лет!

Руководство нашего товарищества развило бурную деятельность: из всех концов России были вызваны их родственники и свойственники. Одна категория организовалась в строительную организацию с тем, чтобы ремонтировать наши помещения, другая – заниматься документацией, третьи – вообще непонятно зачем приехали. Самый главный наш руководитель не пропускал ни одного важного мероприятия, связанного с ЖКХ, поучаствовал даже в выпуске популярной передачи Листьева «Тема», где заявил, что власть вообще не понимает, как расселить коммуналки, а у него есть готовое решение: надо всем нуждающимся в улучшении жилищных условий дать возможность взять кредит на приобретение квартир сроком лет на тридцать и вопрос будет закрыт навсегда! Под это дело он учредил банк «Взаимный кредит», разместившийся как все его остальные организа-

ции в нашем доме. Членам жилтоварищества было заявлено, что с его (банка) помощью мы будем и зарабатывать на деньгах, получаемых от сдачи в аренду помещений. То, что часть помещений совершенно бесплатно занимают его организации, он, естественно, не упоминал.

К тому времени, актриса и руководитель театра (руководство нашего Жилтоварищества, напоминая) оформили законный брак и он перебрался в ее коммуналку. Странным образом, через некоторое время единственная их соседка по квартире была зарезана своим ухажером во время распития спиртных напитков. Дело особо не расследовали и вскоре «молодые» стали обладателями большой четырехкомнатной квартиры, которую тут же приватизировали. Другие же жители решали этот вопрос кто во что горазд. После прокатившихся по все России захватов пустующих квартир афганцами и многодетными семьями, наши жители таким же образом реквизируют несколько пустующих квартир в доме – часть в отселенных подъездах, часть – считающихся аварийными, но являющимися вполне пригодными для проживания. Я, муж и сын переехали в аварийную. Квартира, такая же большая как и наша, была вполне качественно отремонтирована (видимо была подготовлена для сдачи кому-либо в аренду), обои поклеены, паркет отциклеван, ванная и туалет сверкали новой сантехникой и свежей плиткой. Правда на кухне на месте газовой плиты была устроена барная стойка, но этот вопрос решился очень даже просто сно-

сом стойки и установкой плиты. В квартиру въехала еще одна семья – женщина с двумя дочерьми- подростками и собакой. Мы заняли три комнаты, соседка две, еще в одной устроили кладовку. Седьмая комната была, действительно, в аварийном состоянии по причине дырявой крыши (этаж был самый верхний). Но нас это особо не волновало, обильная течь наблюдалась только во время таяния снега, а это максимум месяц. Благодать и только!

Тем временем, муж попал поле зрения бандитов. Эта категория граждан нюхом чуяла, где можно заработать. А уж зарабатывать на антиквариате – достойно и красиво! И вот мой осторожный, даже трусоватый муж стал советником вора в законе Сергей Сергеевича. Тот его водил по каким-то стрёмным, забитым под завязку антиквариатом квартирам с заданием оценить те или иные предметы, возил за границу, консультировался днем и ночью по любым вопросам, связанным с искусством. Надо сказать, что мой муж весьма остер на язык... правда, юмор у него черный, но смешить компанию и держать стол, как говорится, он умеет еще как! Так что в скором времени Сергей Сергеевич стал ездить с нами на дачу и в дома отдыха. Он расслаблялся в компании мужа, чаще улыбался и выглядел совсем не страшным. Внешность у него была специфическая, не профессорская, скажем: тяжелая челюсть, взгляд исподлобья, большие руки, медвежья поступь, но держал он себя скромно, в основном молчал и внимательно выслушивал собеседника. То, что он плотно

сидит на наркоте, я узнала случайно... Муж вдруг совсем перестал спать и есть, меня это тревожило, но он упорно отмалчивался... Через несколько дней я все же настояла, чтобы он рассказал, в чем дело. Оказалось, что Сергей Сергеевич принес ему на хранение нечто незаконное. Его бывшая жена, постоянно требовавшая от Сергея Сергеевича всё больших алиментов на содержание сына, случайно увидела, где у него тайник, заглянула в него и теперь шантажирует его тем, что заявит в органы, если он не заплатит ей. Тот не придумал ничего лучшего, как отдать сию ценность своему советнику. И теперь муж со страхом прислушивался к любым шагам по лестнице, ожидая прихода либо бывшей жены, либо органов... И то, и другое было страшно и невозможно! Слава Богу, он нашел в себе смелость попросить Сергей Сергеевича забрать опасный предмет, мотивируя любопытством соседки и непредсказуемыми последствиями. Много еще смешных и не очень казусов у них случалось ввиду разности менталитета. Сергей Сергеевич впоследствии скончался и весной 1995 года мы присутствовали на прощании с ним в морге какой-то окраинной больницы.

Через некоторое время городские власти поняли, какую глупость они совершили и попытались отозвать разрешение на аренду помещений. Начались многолетние суды и, в конце концов, Жилтоварищество осталось ни с чем, ну а жители – тем более. Мы опять задумались о, теперь уже, покупке квартиры... Нужен был постоянный источник дохода,

а не периодические заработки. Знакомая приемщица одного из арбатских антикварных магазинов попросила моего мужа приобщить к антиквариату своего сына, его ровесника, кстати... Тот уехал в Германию по еврейскому каналу, посадил свою семью на социал, а сам болтается туда-сюда, иногда подторговывая кепками в тамбуре одного из подъездов на Тверской-Ямской. Его надо было научить слегка разбираться в предмете, а уж продать вещь он и так умеет, справится стопроцентно. Так возник поначалу идеальный тандем: муж находил вещи, а компаньон продавал. Язык у него был подвешен как надо, а настойчивость, граничащая с навязчивостью, способствовала завершению сделки в нужном ключе. Сначала они арендовали угол в магазине, где работала мать компаньона, потом – стену, а потом и целую комнату... дела шли неплохо и мы, наконец-то, стали откладывать деньги на квартиру в твердой валюте.

Все бы хорошо, но характер и поведение компаньона оставляли желать лучшего. Он считал себя главным в дуэте, потому, как отвечал за деньги, а мужа держал в качестве зависимого работника, обязанного всюду следовать за хозяином. В ресторан – вместе, в баню – вместе, в казино (а он был классическим игроманом) – вместе! Муж упирался как мог, но в их случае, легче было согласиться, чем выслушивать оскорбления в пассивной зависимости от жены, мамы и прочего... Наш сын перестал видеть папу совсем! Когда он ложился спать, папа еще не возвращался с работы, а когда

утром уходил в школу – из комнаты папы раздавался громкий храп. К тому же муж начал прилично прикладываться к спиртному, днем просыпался опухшим и злым. Мылся, собирался и вновь на галеры... Я пыталась вмешаться, сердилась, ссорилась с компаньоном. Но добилась только того, что компаньон, к тому времени бросивший свою семью в Германии и женившийся на продавщице их магазина, советовал мужу поступить так же, всячески обливая меня при случае. Муж извинялся: – «Потерпи, вот соберем достаточно денег для покупки квартиры и я с ним расстанусь!»

Отдушиной для меня стали проходящие два раза в год, начиная с ноября 1996, года Антикварные салоны в ЦДХ на Крымском валу. Это было культурное явление того времени. В салонах участвовали антикварные и аукционные дома Москвы и Санкт-Петербурга, а в конце девяностых и галереи из Франции, Германии, Австрии. Это был зрелище для глаз и праздник для души. У нас всегда был отдельный стенд: для приглашенных гостей закупалось шампанское, выпекались крошечные пирожки с разными начинками, фрукты ставились корзинами и огромными вазами. Специально к салону, я в ГУМе или ЦУМе покупала новые наряды, обувь на высоком каблуке, освежала прическу. Обычно салоны длились неделю и все эти дни были наполнены шумом, музыкой, карнавалом впечатлений и эмоций. Моей функцией был прием гостей, их угощение, показ экспозиции и совместная прогулка по другим стендам. Первый день – вернисаж – закрыт

для широкой публики, приходят только приглашенные персоны, представители министерства культуры, известные деятели искусств.

Любитель антиквариата, коллекционер всегда ассоциировался у меня с образом моего свекра – элегантный, ухоженный, модно одетый. Если на нем пиджак – то непременно дополнение шейный платок, а не галстук, если свитер или пуловер – обязателен подходящий по стилю и цвету шарфик. Здесь же разнообразие типажей покупателя поражало! «Граждане бандитствующие», как называл их мой муж, угадывались по бычьим шеям с прямо-таки колодезными цепями и массивным перстнями на пальцах. Они, бесцеремонно отодвигая в сторону консультанта, группами заходили на стенд (ориентиром служило, как правило, известное имя автора произведения искусства, вроде Айвазовского, Шишкина и прочих громких фамилий), недолго переговорив между собой, подзывали «хозяина» и начинали бешено торговаться. Только умение компаньона мужа грамотно продать вещь спасало от того, чтобы не отдать ее за бесценок. Приобретение тут же снималась со стены (с помоста – в случае бронзовых или мраморных статуй) и торжественно перемещалась к выходу... упаковкой они не заморачивались. Диаметрально противоположным образом вели себя «должностные преступники» – чиновники с неофициальным доходом. Если таковой приходил с супругой, то вторая половина отправлялась к витрине с ювелиркой, а сам това-

рищ внимательно выслушивал всю информацию об экспозиции, какую только могли предоставить консультанты, а потом скромно, чуть ли на ушко, интересовался, сколько стоит тот или иной экспонат, выслушивал его историю и детальное описание, рассматривал предмет со всех сторон на наличие повреждений и дефектов. А потом спрашивал, не могли бы мы привезти выбранный им экспонат по указанному адресу, там покупатель и рассчитается в нужной валюте, разумеется. Они никогда сами не уносили приобретенное, почти не торговались – им было достаточно рекомендации знающих людей. Естественно, подобные просьбы выполнялись незамедлительно. Постоянные клиенты редко покупали что-либо на салоне, они приходили пообщаться и обсудить выставленное на других стендах, чаще с критической стороны... А сколько же любителей старины среди нашей богемы! Ба, знакомые все лица! – От чудаковатого миллиардера Брынцалова до скромного обаятельного Евгения Петросяна! И у каждого свои пристрастия – надо их помнить и подводить именно к тем произведениям, которые могут их заинтересовать. Семь дней проносились как один, завершающий был днем подсчета дохода и раздачи подарков участникам. И вечером – совместный поход в ресторан большой компанией.

Часть собранных на квартиру денег ушла на покупку уже собственного помещения на Арбате под магазин. Сделан был шикарный ремонт в стилистике купеческого особняка 19 ве-

ка, развешаны картины и иконы, разложены предметы быта и расставлена мебель. Но тут возникла следующая проблема – клиенты есть, заказчики имеются, а дохода почти нет... Муж начал собственное расследование этого феномена. И что же? – Компаньон крупно проигрался в казино и стал «крысятничать» – продавал вещи по хорошей цене, а мужу называл гораздо меньшую. Прибыль-то они делили пополам, вот муж и оставался почти ни с чем. Дело шло к разрыву отношений и выходу из дела. Благо, достаточная сумма для покупки квартиры была собрана, и я приступила к поискам. В конце 2000 года квартира, даже лучше той, о которой грезили, была приобретена, чем и ознаменовалось для меня окончание девяностых. К слову сказать, после ухода мужа из магазина, карьера компаньона покатилась под откос... Продать что-то всегда можно, а вот попробуй найти то, что продать! К тому же скоропостижно умерла его мама, которая, оберегая собственное чадо, подстилала соломку всюду, где только возможно. Играть он не перестал, поэтому вскорости лишился магазина, а потом и квартир... Но это его проблемы, как говорится...

P.S. Описываемые события от нынешнего времени отделяет 30 – 40 лет. Как этот промежуток времени отразился на нас самих, мы можем увидеть, взглянув в зеркало... А посетив места, где все вышеизложенное происходило, не так уж сложно оценить, проросли ли брошенные в гумус того времени зерна желаний, полезны ли были усилия по их испол-

нению?

Нашему дому на Солянке уже более 110 лет и он еще столько же проживет без сомнения! Двухтысячные и десятые годы стали для него временем преобразования – ни один из прежних магазинов не остался на своем месте, названия сплошь другие. Появилась масса кафе, которых в прежние времена днем с огнем не найти было во всей округе. И все они процветают, судя по интерьеру и публике, вечерами внутри светло и шумно. Не думаю, что сохранились коммуналки – в нулевые годы квартиры в нем расхватывали как горячие пирожки. Нашу в 2007 году купила русскоговорящая американка и, сделав ремонт и облагородив подъезд, тут же продала в два раза дороже.

Жилтоварищество прекратило свое существование официально в 2015 году, так и не отремонтировав ни метра площади и не купив желающих покинуть дом ни одной квартиры. Жильцы коммуналок, приватизировав свои комнаты и пустующие, выставляли всю квартиру на продажу и, таким образом, решали квартирный вопрос. Все учрежденные руководством жилтоварищества организации официально ликвидированы в период с 2010 по 2017 год. С этого времени их фамилии в регистрационных документах Росреестра не встречаются. Живы ли они или покинули этот мир, мне не известно.

Что касается Артсалонов, то я стараюсь не пропускать ни одного. Они поменяли локацию и теперь проходят в Гости-

ном дворе, но по-прежнему остаются услугой моей души и глаз. Правда заметно существенное различие между атмосферой, присущей им в 90-х, и духом нынешнего времени.

В 90-е покупателей было очень много, экспозиция про-реживалась едва ли не на треть. Чтобы закрыть пустые места на стенах, приходилось постоянно перевешивать картины с места на место. Вещи упаковывались тут же на стенде и покупатель бережно нес приобретенную ценность в машину. Приходили сразу с деньгами, рассчитывались валютой, рубли не были в ходу. Правда, суммы были гораздо скромнее нынешних и деньги реально можно было разместить в кошельке. Сейчас же, по рассказам участников салона, редко кому удастся продать что-либо со стенда новому лицу, а не старому знакомому. Завсегдатаи предпочитают покупать непосредственно в галерее или аукционном доме, а не на салоне, где и цены выше и посторонних глаз много. Если на салонах 90-х в атмосферу наполняли азарт приобретения и радость от покупки, то сейчас посетители просто чинно прогуливаются между стендами, неспешно разглядывая раритеты и общаясь со знакомыми антикварами.

P.P.S. На днях моему сыну исполнилось 40 лет. Он уже лет на 5—10 старше нас тогдашних... и он и его друзья уже совсем другие... Нет в них той безбашенной смелости рисковать собой, ради воплощения какой-либо идеи, нет уверенности, что собственной энергией можно пробить любые за-слоны. Для нас тогдашних не существовало непреодолимых

препятствий. Отсутствие стабильности мы компенсировали активными действиями, инициативой. Власть нас давила, но мы отмахивались от нее как от назойливой мухи и стремились дальше... к успеху и процветанию, как нам казалось. Да, кто-то взбирался наверх по головам, по трупам, ломая зачастую и собственную шею. До вершины добивались единицы, но кого это останавливало в стремлении стать более успешным, чем сосед или одноклассник? Но все же нормальных людей, быстро адаптировавшихся к новым условиям и улучшивших свое материальное положение, не ущемив никого в правах и не ограбив, гораздо-гораздо больше! Они достойно пережили то непростое время. Но на вопрос «Хотел бы он/она повторения 90-х?», никто из опрошенных мною не ответил положительно...

Юлия Вахрамеева

Предупреждение по-бандитски. 1992

Москва. Центр. Живу я на 8 этаже, окна кухни выходят в сторону подъезда. Однажды осенью сижу за завтраком прямо у окна, спиной к нему, и вдруг оглушительный бабах и тоненький писк. Я боюсь шелохнуться, кошусь одним глазом на окно и думаю: хоть бы стекло не вылетело, а то мне башку снесёт! Вижу – стекло пошло рябью, то есть свет преломляется как бы мелкими волнами, напоминая рыбью чешую, и тихонечко так пищит. Я даже вздохнуть боялась, так и сидела, присогнувшись, пока всё не успокоилось. Окно выдержало. Уфф!

Что это было? Открываю окно, выглядываю и вижу, что из переулка выкатывается автомобиль с красивыми задними фонарями и мчится по Переяславке в сторону Рижского вокзала. Я взяла лист бумаги и зарисовала план движения машины (чтобы не забыть со страху), потом отправилась посмотреть, что случилось. Прямо перед подъездом – какая-то груда тряпок с шерстью и паклей вроде веника, метрах в десяти от мусорного контейнера. Ничего не поняв, я вернулась доедать завтрак. Вскоре в дверь позвонили. Опрос возможных свидетелей. Я ничего не смогла рассказать: ни какая бы-

ло машина, ни куда поехала, и даже забыла, что сама нарисовала план движения. Я эту бумажку через пару дней нашла и всё вспомнила в деталях, но поздно. Вот как работает стресс, память отшибает на время. Полицейский спросил, богатые ли люди живут в этом доме? Сказал, что у блондинки нашли тысячу долларов. Я ответила, что у наших жильцов и тысяча рублей не у каждого в кошельке, сколько ни взрывай – просто учёные: искусствоведы и химики.

Оказалось, что в нашем доме один «авторитетный бизнесмен» снимал квартиру для своей блондинки. Это её и её шубку я приняла за кучу тряпья, а волосы за веник. Так всё было скомкано взрывом. Взрывчатка была заложена в мусорный контейнер и взорвана водителем дистанционно, когда девушка вышла из подъезда. Крышка контейнера улетела далеко на газон. «Бизнесмен» этот поссорился с «коллегами», упрямился, поэтому ему сделали такое «предупреждение» в воспитательных целях.

Стёкла вылетели у всего подъезда до 8 этажа. Моё окно было на грани, но мне очень повезло. Приезжало телевидение. Женщина-искусствовед на первом этаже нарядно оделась и эффектно сметала с подоконника стеклянные осколки веничком из рисовой соломки. Почти Вермейер. Так и попала в хронику.

Добыть пачку масла. 1992

Жили мы в Москве на Дорогомиловке, я и два малыша 2 и 4 лет. Их нужно кормить, но любые молочные продукты в дефиците. Масла сливочного на прилавках вообще не бывает. Обычно, чтобы купить хоть что-нибудь, надо гулять около магазина «Молоко», заглядывая в окно: не вынесли ли чего в зал? И если вынесли, то бросаться внутрь вместе с малышами, потому что дефицит давали только по две штуки в одни руки. Конечно, многие гуляли прямо в магазине, но малыши начинали капризничать и приходилось выходить на улицу.

Так вот. По весне детям особенно нужен витамин Д, в аптеке такого препарата вообще не бывает. Надо добыть масло. Как-то в марте, в весенний солнечный день мне улыбнулась удача. Я с малышами стою на стрёме в магазине и вдруг – О чудо! – выносят заветную картонную коробку. Быстро сажая малышей в угол, чтобы их не затоптали, бросаюсь к коробке и выхватываю последние шесть пачек. Нас ведь трое, мне разрешат пробить на кассе!

Вокруг люди, вожделевшие этого продукта. Им тоже надо, они тянут руки к моей добыче, пытаются вырвать хоть одну пачку, кричат. Я резко сажусь на корточки, прижав к животу свой трофей и опустив голову так, чтобы нигде нельзя было просунуть руку и вытащить пачку. Ни у шеи, ни подмышкой,

без зазора, ни-ни! Видя, что дело безнадежное, кто-то говорит: «Ей же не пробьют на кассе!», другой отвечает: «Вон её дети, двое». Поняв, что я в праве, большинство расходится, но один старик в добротном чёрном пальто и каракулевой шапке ходит вокруг меня кругами, стучает клюкой об пол около моей головы и приговаривает: «Отдай масло, отдай масло!» Палка просвистывает около уха и бахает резиновой пятой в пол.

Кассирша пробила в кассе везунчикам и спокойно ждёт, пока дед уgomонится. Наконец он утихомирил свой гнев, ушёл. Стало тихо. Я встаю с корточек, подзываю малышей, мы идём к кассе.

Вот настоящий триумф! Нам пробивают всё, что я взяла с боем. Последние зрители расходятся, понимая, что сейчас ничего не получают, и надеясь, что в следующий раз им может быть что-нибудь достанется, если повезёт.

Надежда Джакупова

Мои золотые годы

Я вышла замуж поздно. Почти в 27.

Сейчас это вполне нормально. Карьера, и вообще все тридцать три удовольствия от жизни? Иные времена и нравы. В прошлом веке это воспринималось немного иначе: Засиделась в девках!

Но ровно через год и еще через два в нашей семье уже щепетали две симпатичные черненькие девчущки. Очень похожие на отца – метиса-казаха.

Сейчас пытаюсь освежить в памяти события тех уже далеких лет, и с трудом проворачиваю свои воспоминания. Плохое память стирает, охраняя нас, а хорошее воспринимается, как само собой разумеющееся, а когда оно произошло – уже и неважно.

В 1990 моим девчонкам было уже по десять. А мне... мне 37. Хороший возраст. Особенно, если у тебя есть семья, жилье и работа.

Квартира нам досталась от родителей мужа: мой свекор долго работал вахтовиком-энергетиком, и получил эту благоустроенную двушку в районном центре. Но, привыкшие жить с печкой и своим огородиком под окном, родители му-

жа отказались переезжать в «удобства». Так что свой медовый месяц мы провели в собственной квартире. И ничего, что горячей воды не было почти никогда, а чтобы не замерзнуть зимой, жильцы дома выходили периодически на разгрузку угля для котельной, а то и вовсе дежурили вместо подвыпивших кочегаров.

И с работой мне повезло. Да, что говорить, тридцать лет я с удовольствием ходила в свою «контору». Она дала мне все: удовлетворение, творческий заряд, материальный доход, уверенность, друзей. Да и находилась она рядышком с домом. Так что на обед я приходила на свою кухню и успевала не только перекусить, но и переделать кучу всяких домашних делишек.

Итак, в девяностые дети подросли. Перестали болеть и оказались очень самостоятельными. Значит, у мамы появилось время для себя. Нет, не для макияжа или маникюра (впервые маникюр я сделала, будучи на пенсии), а опять для той же работы. Должность моя именовалась «ведущий инженер» серьезной промышленной организации. А еще я возглавляла профсоюзный комитет. Численность около шестисот человек и все разбросаны по пяти сельским районам. Для связи местная телефония и Уазик. А еще вера в светлое будущее и победу социализма во всем мире. Я даже была кандидатом в члены КПСС. Для ИТР это было непросто, была очередность два рабочих и только тогда один инженер. Мы, рожденные в послевоенные годы, были, да что говорить,

и остаемся по сей день, истинными патриотами своей родины и своей земли.

Первый большой укольчик получила я в октябре 1990. Переименовали мой любимый город Горький в Нижний Новгород. Ничего не скажу, хорошее историческое название. Но мои родители родились в горьковской области, я и мои дети тоже горьковчане. Столько связано с Горьким. Прошло уже 35 лет, а я так и называю город Горьким. Не из-за противности, так язык сам произносит.

Вообще-то я никогда особо не интересовалась политикой, потому что была уверена, что там, «наверху», знают, как нам жить. И все сделают правильно. Да, не было своего газа, но мы гордились, что помогаем бедным соседям закавказским и прибалтийским республикам, Молдавии и Белоруссии своим голубым топливом.

Жили мы в те времена не то, что плохо, но довольно скромно. Излишеств не было ни в чем: ни в еде, ни в одежде. Может столица жировала, это там были дома моды, большие магазины и «Березки». А мы были, как говорится, «одеты бедненько, и но чистенько». И самое главное, что все были равны.

В душе я романтик. Мне нравилось путешествовать по моей стране: я побывала в Алма-Ате, Киеве, Минске. Сухуми. Я гордилась самым большим и дружным государством в мире. В 1990 году съездила по туристической путевке в Белоруссию. Противоречивое мнение. Очень бедные деревень-

ки, даже беднее наших. Беловежская пуща. И изобилие товаров легкой промышленности: я одела и обула всю семью. Пряжи для вязания привезла. Хотя тогда впервые мне показалось, что нас, русских, недолюбливают. Хотя, кто ближе чем русские и белорусы?!

1991 год. Сейчас говорят, что распад СССР был предре-чен... Социалистического, самого гуманного в мире строя, больше нет. Республики выходят из моей страны одна за дру-гой. Кого-то выставляют насильно. Например, мой любимый Казахстан. Нет СССР. Нет РСФСР. И это было самое мое большое потрясение в жизни. Рухнуло все: вера, надежность, благополучие. И хочешь – не хочешь, ты был втянут в этот круговорот политических событий. А потом и того хуже: путч, смена правительства, война в Карабахе и первые бе-женцы, Чеченская война и первые солдатские гробы. Оказы-вается, никакие мы не друзья!?

Но жизнь продолжалась. Дети ходили в школу. Писатели издавали свои книги, а мы читали. Именно тогда я открыла для себя Александру Маринину и Бориса Акунина.

В музыке испарился русский рок (что меня не очень рас-строило), но появились Би-2, Машина времени, На-на. Я за-слушивалась Уитни Хьюстон. И не считаю, это каким-то пре-дательством: красота, она спасет мир!

А кому-то было не до песен. Предприятия закрывались одно за другим. Работы нет. И тут явилось миру новое явле-

ние: челноки. Или женщины с большими клетчатыми сумками. Бывшие специалисты НИИ, рабочие, артисты – все стали торговцами. И они нас спасли. Мы не только не остались без трусов, мы увидели качественную заграничную одежду. А у китайцев на нашем рынке я купила куртку, которая до сих пор жива.

Зимы у нас холодные. Не как в Сибири, но не дают расслабиться. И вся Россия становилась на лыжи.

Но я же молодая и непоседливая. Мне мало было лыжни. И вот завелась в моей голове одна шальная мысль: испугаться в проруби. Уже несколько лет, как завелась и, как говорил мой муж, еще «с девок». На Крещение, где не многолюдно и темновато, и, прямо скажем, холодно. Представляя предстоящую процедуру, я ежилась, зажмуривала глаза и задерживала дыхание: но я заранее гордилась собой! И каждый год какие-то обстоятельства мешали моей мечте века. Может быть, в самом деле, это были серьезные дела, может я искусственно их создавала. Но каждый раз искренне сожалела о не содеянном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.